

так и для переводного произведения, с той только разницей, что художественный анализ переводного произведения значительно сложнее. Исследователю все время придется оглядываться на текст, с которого был сделан перевод, и учитывать, что переводчиком было просто перенесено из оригинала и что он изменил и внес от себя. Это относится к идейному содержанию произведения, к его композиции и к художественным средствам языка. В целом ряде случаев можно будет наблюдать, как под пером русского переводчика или переписчика изменяется идейное звучание произведения или даже целого сборника. Так, в русский сборник фавстий после ряда повестей о женских хитростях вносятся рассказы о добродетельных женщинах — «во отнесение укоризны и в покрасу женам», которых нет в польском оригинале; так, в сборнике «Великое Зерцало» убирается все, что имеет отношение к католичеству, и сборнику в целом придается «православный» характер.

В том же «Зерцале» мы наблюдаем, как из рассказов, посвященных Богородице, снимаются подробности, которые, по мнению переводчиков, могут унижить «небесную царицу», добавляются характеризующие ее эпитеты, в рассказ вносятся подробности, которых нет в польском оригинале.

В ряде случаев мы можем наблюдать, как в переводную повесть с каждой новой редакцией входит все более и более черт русской жизни, быта русского общества (см. подробности в романе о Бове; элементы жизни Петровской эпохи в редакции «Повести о папе Григории», опубликованной Н. К. Гудзием, о которой упоминалось выше; черты русского быта в «Повести о Петре Златые ключи», где неаполитанская королева Магилена в одном из вариантов повести носит русскую «телогрею» и т. п.).

Таким образом, изучая художественную сторону переводного произведения и начав с первого перевода, мы не можем остановиться на этом, нам придется проследить жизнь произведения на русской почве, сопоставить переводы, если их несколько, уяснить, какие изменения вносятся с каждой новой редакцией в художественную структуру произведения. Так художественный анализ смыкается с литературной историей произведения, с текстологическим анализом его списков.

В то же время очень важно вскрыть первоначальное идейное звучание переводного произведения. В этом плане оно могло многому научить русского читателя, показывая ему иной мир, с иными классовыми и семейными отношениями, прививая более передовые, более свободные взгляды на жизнь.

Изучая художественные средства языка переводного произведения, исследователь-литературовед неизбежно столкнется с чисто лингвистическими проблемами и прежде всего с вопросом о языке перевода, плохом или хорошем. Ему непременно придется касаться и лексики, и морфологии, и синтаксиса, так как будет необходимо выяснить, насколько точно сделан перевод, соответствует ли он по словарю и по построению фразы подлиннику, насколько удалось переводчику избежать «полонизмов» или наоборот: они то и дело встречаются в его переводе. Здесь, изучая разные редакции и переводы, приходится наблюдать и отмечать, как постепенно исчезают в переводе иностранные слова и обороты и заменяются русскими словами и понятиями; например, капеллан превращается в протопопа, балвер — в лекаря и т. п.

Кроме указанных задач, необходимо дальнейшее изучение использования сюжетов переводных произведений в русском и славянском фольклоре и в лубочной литературе. Известны русские и украинские